

ПО ПОВОДУ ТОЛКОВЪ О СОВРЕМЕННЫХЪ ДВИЖЕНІЯХЪ ВЪ РАСКОЛѢ.

Читателю, безъ сомнѣнія, не безъизвѣстно, что вопросъ этотъ поставленъ г. С—нымъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», въ которомъ напечатанъ имъ цѣлый рядъ статей «о современныхъ движеніяхъ въ расколѣ». За такую прямую постановку вопроса онъ заслуживаетъ полной признательности со стороны литературы вообще и духовной въ особенности, хотя и можно было бы пожелать, что г. С—нъ сдѣлалъ бы еще лучше, еслибы въ изданной имъ послѣ брошюрѣ съ указаннымъ заглавіемъ былъ нѣсколько объективнѣе, чѣмъ въ журнальной статьѣ, т. е. напечаталъ бы имѣющіеся въ его распоряженіи документы вполне. Но выводы г. С—на кажутся намъ слишкомъ далекими отъ истины, какъ объ этомъ отчасти заявила уже, въ противоположность свѣтской, духовная журналистика (Духъ христіанина и Руководство для сельскихъ пастырей). Напоминая читателю факты, мы находимъ не лишнимъ сказать, что г. С—нъ старался провести въ своихъ статьяхъ мысль о пробудившемся въ людяхъ, управляющихъ старообрядствомъ, желаніи сблизить расколъ съ православіемъ и тѣмъ содѣйствовать постепенному ослабленію старообрядства въ пользу православія. Доказательствами для

Т. XV.

него въ настоящемъ случаѣ служили: вопервыхъ, опубликованіе нѣкоторыми изъ русскихъ старообрядскихъ архіереевъ окружнаго посланія, которыми они старались, повидимому, ослабить укоренившуюся въ расколѣ ненависть къ православію, и—вовторыхъ, изгнаніе въ прошломъ году изъ Москвы блдокриницкаго лжеіерарха Кирилла. Факты эти дѣйствительно многихъ располагали такъ думать; но подобныя мысли, по нашему мнѣнію, должны быть причислены къ разряду, хоть и искреннихъ, но увлеченій.

Люди, съ любовью, интересомъ и постоянствомъ слѣдящіе за религіозными проявленіями общественной жизни, говорятъ, что разъ произведенное въ области религіи раздѣленіе всего меньше оканчивается союзомъ враждующихъ. И это совершенная правда. Исторія не останавливаетъ нашего вниманія ни на одномъ фактѣ въ теченіи всего осьмнадцативѣковаго существованія христіанства, когда бы отдѣлившееся отъ Церкви общество чрезъ извѣстный промежутокъ времени возвратилось снова въ ея нѣдра. Въ дѣйствительности возможны единичныя обращенія къ Церкви данныхъ личностей, уклонившихся отъ нея, но никакъ не обращенія цѣлыхъ обществъ или сектъ, даже большинства ихъ членовъ. Источникъ сектанства—стремленіе къ личному, самостоятельному усвоенію божественной истины,—источникъ свѣтлый и чистый, но ему указываютъ теченіе по грязному мѣсту, ложно прилагая къ исканію истины приемы обычнаго изслѣдованія простыхъ вещей. Развитіе сектанства имѣетъ мѣсто тамъ, гдѣ религіозные вопросы почему-либо берутъ перевѣсъ надъ другими знаніями. Но чѣмъ сильнѣ возбужденъ къ дѣлу вѣры интересъ, тѣмъ энергичнѣ должна быть борьба изъ-за взглядовъ на вѣру. Напряженность этой борьбы усиливается еще тѣмъ, что здѣсь люди имѣютъ дѣло съ *вѣчною* жизнію, вѣчныиъ спасеніемъ души, ратуютъ за славу Божию. Отсюда понятно, почему каждый изъ насъ съ несравненно большею легкостію откажется отъ политическихъ или ученыхъ убѣжденій, чѣмъ отъ убѣжденій религіозныхъ. Подобный фактъ до

того общь, что его стараются выставить въ такомъ именно видѣ тѣ, кто хоть и не слишкомъ близко принимаетъ къ сердцу религіозный интересъ, а такъ или иначе завязался въ религіозную борьбу. Но гдѣ есть мѣсто борьбѣ, тамъ дѣлаетъ свое дѣло и страсть со всеми непривлекательными ея агтрибутами. Борьба, такимъ образомъ, изъ области вѣры переходитъ въ борьбу личностей, — борьбу, которая всего рѣже ведетъ къ примиренію; потому что въ ней къ оскорбленію убѣжденія прибавляется еще оскорбленіе личности. Правда, въ обыкновенныхъ человѣческихъ дѣлахъ въ подобныхъ случаяхъ возможны бываютъ сдѣлки, при чемъ взаимныя оскорбленія враждующихъ сами себя уничтожаютъ; но въ дѣлѣ религіи подобныя сдѣлки вещь немислимая: потому что здѣсь нѣтъ средняго пути, здѣсь возможно только одно изъ двухъ—или истина, или заблужденіе. А нѣтъ сдѣлки, нѣтъ и примиренія; есть только полное оставленіе заблужденія и возвращеніе къ истинѣ, что въ природѣ вещей бываетъ только съ отдѣльными личностями: иначе и сектанство было бы невозможно. Съ другой стороны, борьба религіозная всегда бываетъ гораздо сильнѣе и продолжительнѣе всякой другой борьбы, а степенью борьбы условливается количество падшихъ въ ней жертвъ. Въ дѣлѣ же религіознаго убѣжденія, какъ бы оно ни было шатки, гонимое лицо въ глазахъ многихъ служить вывѣской искренности, и каждая новая жертва замѣняется десятками людей, принимающихъ преслѣдуемое убѣжденіе, которые въ длинный періодъ борьбы составляютъ себѣ традицію, подкрѣпляя ее цѣлымъ рядомъ такъ называемыхъ сектантами мучениковъ. Здѣсь еще меньше шансовъ на примиреніе, и вотъ обычная исторія сектъ: лишь только проходитъ фанатизмъ борьбы, среди которой на безцеремонность полемики уже мало обращается вниманія, отверженные обществомъ и Церковію сектанты хлопочутъ все не о томъ, чтобы хладнокровно разобрать дѣло, безпристрастно признать фальшивыя стороны этого дѣла и, оставивъ его, возвратиться въ нѣдра Церкви, а о томъ, чтобы

упрочить на многіе вѣки свое дѣло. Для этого они стараются подыскать подъ измышленную ими систему вѣроученія какія-нибудь историческія основанія, исправить неизбѣжныя ея противорѣчія, и пускаются въ пропагандированіе ея со всею необузданностію прозелитовъ. Преслѣдованія поддерживаютъ силу пропаганды, а когда предѣлы ея значительно расширятся, тогда секта, кромѣ фанатиковъ, принимаетъ въ себя цѣлую массу людей, наприм. бѣдняковъ, которымъ доставляются средства къ жизни, преступниковъ, укрываемыхъ отъ преслѣдованія закона, и проч., людей изъ личныхъ ихъ интересовъ,—людей, которые въ сектанствѣ полагаютъ начало матеріальному своему благосостоянію. Въ сектѣ образуется, такимъ образомъ, особый составъ людей, особый складъ жизни, особое міросозерцаніе. А при такомъ положеніи дѣла едва ли возможны расчеты на сближеніе общества сектантовъ, или что то же людей, *заправляющихъ* этимъ обществомъ, съ Церковію?..

Есть еще одна оригинальная сторона въ жизни сектантства, которую, въ настоящемъ случаѣ, нельзя оставить безъ вниманія,—это замѣна церковнаго авторитета личнымъ авторитетомъ сектаторовъ,—свойство, безъ котораго немислимо сектантство; потому что внѣ Церкви невозможенъ никакой внѣшній религіозный авторитетъ. А при этомъ условіи сектантству неизбѣженъ путь безкопечныхъ дробленій раскольниковъ, *группирующихся около отдѣльныхъ, чѣмъ-нибудь выдающихся личностей*, и слѣдовательно—большее и большее удаленіе отъ Церкви... Въ ложности такого направленія убѣждаются и въ данномъ случаѣ приходятъ къ истинѣ только немногіе избранные, имѣющіе энергію поставить интересъ вѣры выше личнаго своего интереса; но существеннаго вліянія на измѣненіе традиціи сектантства они рѣдко добиваются,—личное ихъ дѣло и остается личнымъ; а секта отдается водительству людей, ратующихъ за ея традицію.

Все сказанное доселѣ мы вели къ тому, чтобы показать, что въ *обществѣ* сектаторовъ всего меньше исторически воз-

можны симпатіи къ оставленной ими Церкви, и ужъ по самой крайней мѣрѣ къ этимъ часто мнимымъ симпатіямъ надо относиться со всею осторожностію, не дѣлая объ нихъ заключенія по двумъ-тремъ фактамъ;—что мысль о разныхъ движеніяхъ сектантовъ въ пользу оставленной ими Церкви внутренно несостоятельна по факту. И нашъ расколъ, по основному характеру протеста, не выдается изъ общаго уровня жизни сектантства. Справедливо преосвященный тобольскій Игнатій (въ 3-мъ посланіи) говорить о сибирскихъ расколоучителяхъ: «суть бо проклятіи лютеране.» Судя по прожитой нашимъ расколомъ исторіи, едва ли отыщется въ немъ много задатковъ къ сближенію съ православіемъ. Вотъ эта исторія и вотъ какъ она сближается съ тѣми фактами, которые подали г. С—ну поводъ привѣтствовать движенія раскола въ пользу православія. На московскомъ соборѣ 1667 г. прогнѣла анаема на «вновь измышленное ученіе.» Ревнителі стараго обряда, признавшіе себя глубоко обиженными и затаившіе въ себѣ ненависть не на жизнь, а на смерть, къ отринувшей ихъ Церкви, побрели по глухимъ деревнямъ, лѣсамъ и пустынямъ, всюду склоняя къ себѣ своимъ аскетизмомъ простыхъ людей. Долго бродили они, отверженные обществомъ. Ничѣмъ не мамила ихъ жизнь. Разгоряченному ихъ воображенію несравненно лучшѣю долею представлялась смерть отъ «гонителей.» Чувствуя свое безсиліе въ матеріальной борьбѣ съ оставленнымъ ими обществомъ, старообрядцы сами искали мученичества, рассчитывая достигнуть тѣмъ однимъ разомъ двухъ вѣдѣй: съ одной стороны—званія мучениковъ, а съ другой—заявленія своей ненависти православію. Когда же не находилось «мучителей,» раскольники жгли сами себя; добывали себѣ кусокъ хлѣба, расчищая чашу лѣса и вспахивая его «кочергою»... Но вотъ первый жаръ борьбы началъ по немногу проходить; становилось необходимымъ немножко осмотрѣться кругомъ: раскольники отдѣлились отъ Церкви, составили особое общество, но не имѣли ни системы вѣроученія, ни кодекса нравственности,

никакого церковнаго устройства. Изъ общей массы фанатическаго сектантства выдвинулись личности, которыя приняли на себя трудную роль устроителей раскола, организателей общественно-церковнаго его устройства. Наступили времена Денисовыхъ. Какъ умѣли, они организовали старообрядческую общину, положили основаніе раскольнической догматикѣ (понимаемъ это слово въ смыслѣ, какой даютъ ему раскольники), нравоученію, исторіи и создали матеріальное благосостояніе раскола. Истощенный борьбою расколъ встрепенулся. Со всѣхъ концовъ Россіи стекались на Выгъ старообрядцы. Вотъ, думали, можетъ быть, нѣкоторые изъ нихъ, громадную силу сосредоточить въ себѣ объединяющійся, сплывающійся расколъ. Но соперники Денисовыхъ сами въ свою очередь, желая и имѣя, за отсутствіемъ церковнаго авторитета, равное съ ними право на учителей и устроителей раскола, становились во главу повыхъ и новыхъ сектъ. Такихъ новыхъ, соперничавшихъ другъ съ другомъ устроителей раскола, *самолюбіе* коихъ подвигало отличиться какими-нибудь новыми ученіемъ и образовывать мнимо-оригинальные толки, стало являться съ каждымъ годомъ больше и больше: какъ только является въ сектѣ мало-мальски даровитый, честолюбивый человекъ, или любитель ловить рыбу въ жуточной водѣ, онъ уже *требуетъ*, чтобы его уважали, его слову внимали, его распоряженій слушали. Но эгоизмъ его оскорбленъ, онъ сейчасъ же бросаетъ старую секту, отыскиваетъ какой-нибудь предлогъ къ отдѣленію и дѣлается основателемъ новой секты... Сколько учителей, столько и сектъ стало въ расколѣ... Опять дѣло выходило не ладно. Между тѣмъ, всегдашнюю мечтою раскола было объединить всѣ секты и толки. Что дѣлать? Безпоповщинскія секты становились рѣшительно въ тупикъ. Въ тоже время пришли къ сознанию своего безсилія къ объединенію секты поповщинскія. Какимъ бѣдъ не натерпѣлись они въ отношеніи исправленія нуждъ церковныхъ! Въ одномъ мѣстѣ совсѣмъ извелись поплъ, некому ни окрестить младенца, ни похоронить покойника, ни

пріобщить умирающаго; въ другомъ являлся какой-нибудь пройдоха-самозванецъ, который, укравши, гдѣ попало, ставленную грамоту, святотатственно принималъ на себя исполненіе церковныхъ требъ; въ третьемъ скудость іерархіи подвигала раскольниковъ на подкупы, брань и даже драки изъза поповъ; въ четвертомъ, благодаря той же скудости іерархіи, на безнравственную жизнь пользующагося своимъ положеніемъ старообрядскаго духовенства уже почти не обращалось вниманія и, какъ на Рогожскомъ кладбищѣ, трагались десятки тысячъ рублей, чтобы прикрыть компрометирующій предъ православною Церковію и правительствомъ какой-нибудь любовный скандалъ, въ который по неосторожности, или намѣренно попалъ пастырь старообрядскихъ душъ; въ пятомъ, торговали повопоставленными и исправленными попами, какъ вещами, развозили ихъ напоенными допьяна, чтобы они не знали куда везетъ ихъ хозяинъ. «Отъ всего этого и въ колікое безобразіе и недѣлство настоящае (это писано въ 1775 г.) іерейство пріиде! Онѣи (священники первыхъ временъ раскола) іереи быша ревнители благочестія древняго, сіи (попы 1775 г.) чествованія мірскаго. Онѣи утѣшающеса въ душѣ, сіи же въ брюсѣ. Онѣи упованіе свое имуща на Бога, сіи же на злато и откупники свои. Онѣи прилежаще бесѣдамъ духовнымъ, сіи же бесѣдамъ мірскимъ. Онѣи вѣру праву и догматы истинны соблюдаху, сіи же трапезамъ вѣру непреложно имуть. Онѣи аки пчельныя матки быша, сіи жершни жалы своими на поготовѣ имуща, да како либо противныхъ себѣ уязвятъ, уронятъ, изгонятъ. О іерейства сего чудейменнаго и своевольнаго, всеу хвалятся отцами, всеу во устѣхъ имя носятъ! И сіа убо слышавъ православный читателю (это пишетъ раскольникъ), аще чувство доброе имани отъ древняго слышанія, не мало настоящимъ удивилися, въ колікое небреженіе, въ колікое своевольство и безобразіе пріиде, познати можеша. Кое убо снисхожденіе ихъ видимъ, не далече дверей отступленія, яко не велико уже посредство сдѣлается. И сему, что вицновно

есть, не обрѣтаю. Токмо въ широкія врата единому другому предваренія, яко бы рѣзчи: единъ законы плотскими не воздержно ходя, слѣпоту получа, въ блатѣ страстей погрязе. А инѣ иняся свѣтомъ разума ходя, той же вавилонской чаши законы мамонныя подставляетъ, и вѣру столовую снабждаетъ.» (*) Соблазнился мѣръ поповщинскій. Не зналъ онѣ, какъ избѣгнуть ему этого соблазна. По мѣстамъ онѣ началъ льстить себя надеждою, что еще на Рогожскомъ процвѣтаетъ священство: богачи ѣздили туда съ своими церковными нуждами, а людямъ недостаточнымъ, дѣлать нечего, приходилось посылать письменную исповѣдь по оказіи, также по оказіи получать съ Рогожскаго разрѣшенія въ грѣхахъ, самими крестить дѣтей и проч. Опять плохое выходило успокоеніе для религіозно-настроенной души. И поповцы цѣлыми массами начали переходить въ безпоповщину (они образовали такъ-называемое Спасово согласіе), утѣшая и оправдывая себя тѣмъ, что они, не нашедши хорошихъ представителей «старой вѣры» «ради нужднаго времени» обращаются съ своею грѣховною совѣстію къ самому Царю небесному; не многіе обращались къ православной Церкви. Къ такому безисходному положенію пришла и поповщина.

Опять что дѣлать, какъ жить религіозному обществу безъ добрыхъ учителей вѣры и нравственности? Въ глубокую скорбь повергало это религіозныя души. Люди, поставленные правителями раскольническихъ толковъ, приходили къ тому же результату, но смотрѣли на дѣло нѣсколько съ иной точки зрѣнія. Ихъ вѣсь и значеніе основывались на умноженіи, усиленіи секты. А что, если начавшіяся обращенія поповцевъ къ безпоповщицѣ, или возможныя обращенія къ православію приведутъ къ противоположнымъ результатамъ? И съ какими глазами они будутъ продолжать политику свою съ православіемъ? Гдѣ для нихъ точка опоры въ

(*) Исторія о бѣгствующемъ священствѣ Ивана Алексѣева. Лѣт. рус. лѣт. т. IV.

этой полемики? Не нитя правильной организаціи, внутренне раздраемое раздорами и усобицами и живущее только какими-то смутнымъ идеаломъ древняго православія, что могло противоставить Церкви общество раскольниковъ въ борьбѣ съ нею, кромя истасканныхъ тупыхъ указаній на уклоненіе послѣ никоновской церкви отъ древняго православія? Судили-судили, рядили-рядили вожди старообрядства и задумали поправить дѣло общими сходками и совѣщаніями, расчлѣнявая согласить на чемъ-нибудь раскольническую общину и остановить все шире и шире разливающійся потокъ неурядиць. Но послѣ совѣщаній оказывалось, что всѣ сходились только въ желаніи устроить расколъ, по средствъ никакъ не могли согласить; особенно мудрено было согласить поповцевъ съ безпоповцами. У первыхъ ностоянной живой уликкой для послѣднихъ было неустройство священства; на безпоповцевъ же поповцы указывали, какъ на совершенныхъ попутелей іерархіи. Наконецъ неурядицы привели старообрядцевъ къ мысли о правильномъ устройствѣ іерархіи. Этими они хотѣли объединить расколъ, сплотить его въ огромную массу и заявить юридическія права на признаніе *секты старообрядства* Церковію. Только бы одного епископа посвятить намъ какъ-нибудь, а тамъ ужъ мы свое дѣло справили бы, говорили обольщенные этою мыслию раскольники. И начали насыпаться груды золота въ Москвѣ на покупку епископа. Дорого стоили епископы-обманщики, прежде чѣмъ жида купили раскольникамъ Амвросія. Съ тѣмъ купили раскольники Амвросія, чтобы какъ можно скорѣе отъ него отдѣлаться, лишь бы онъ поставилъ премника себѣ изъ раскольническихъ большаковъ. Выбирать съ разборомъ кандидата на епископство было некогда. Бѣлая же Криница старалась закрѣпить епископство именно за своими насельниками, чтобы такимъ образомъ сдѣлаться митрополіею всей громадной раскольнической семьи и благоденствовать на ея счетъ, ничего не дѣлая и ни о чемъ не заботясь. Митрополія дѣйствительно основалась въ Бѣлой

Криницѣ, — старый уставщикъ, тупой читатель обряда, лжемитрополитъ Кириллъ продавалъ епископство и священство, кто больше дастъ, возмечталъ о себѣ, Богъ знаетъ что, и хотѣлъ распорядиться судьями раскола по своему личному усмотрѣнію. Бѣлой Криницѣ это было по сердцу; но могли ли снести надменный деспотизмъ выживающаго изъ безъ того недалекаго ума старика Москва, — та гордая Москва, на золото которой купленъ Аиросій, которая возмелѣла мысль о епископствѣ, которая съ основанія Рогожскаго кладбища двигала судьбами всей поповщины? Да, она не могла снести этого позора и не снесла; но повела дѣло очень уклончиво и хитро. Отдавая все знаки почтенія Кириллу, она купила себя у него *всероссійскаго* архіепископа Антонія и создала *помѣстныхъ* епископовъ. Отуманенный честолюбіемъ и° деньгами, Кириллъ не видѣлъ тутъ никакого умысла противъ себя, а на самомъ дѣлѣ онъ наносилъ этииъ страшный ударъ своему положенію, какъ уривителю судебъ раскола. При томъ положеніи, какое создано было для Антонія, кто же могъ бы на его мѣстѣ подумать относиться къ Кириллу, какъ къ своему начальнику? Чѣмъ онъ не равный съ нимъ? Мало того, не равный, — онъ превосходилъ его во всехъ отношеніяхъ. Онъ стоялъ во главѣ самой богатой поповщинской общины; съ титуломъ *всероссійскаго* онъ получилъ предсѣдательство на жесоборахъ и начальство надъ епископами. Не доставало ему одного юридическаго признанія независимости отъ Бѣлой Криницы. Вотъ это-то и сдѣлано было на московскомъ жесоборѣ 1863 г. А недоразумѣнія Москвы и Бѣлой Криницы представляли собою только вѣтшій поводъ къ тому.

Возьмемъ теперь дѣло съ другой стороны. Взрошенный на нуждѣ, подавляемый первоначально неблагоприятною обстановкою, на первыхъ порахъ скитальническій — расколъ выработалъ въ себѣ страшную энергію къ устройству матеріальнаго своего благосостоянія, къ завоеванію себя лучшей доли въ обществѣ. Дорого досталась ему эта энергія: голодъ, холодъ, боязнь умереть отъ нихъ, не оставя послѣ себя ни-

какого слѣда, долго были постоянными его спутниками. Но такъ или иначе, только цѣль была достигнута: матеріальное благосостояніе было въ ихъ рукахъ; полиція и чиновничество посажены были на откупъ; бѣдственное матеріальное и нравственное состояніе духовенства отнимало у него силы вести настойчиво борьбу; наконецъ добыта часть гражданскихъ правъ, а большая часть ихъ опять-таки понукалась. Загрѣзли раскольническія денежки всюду. Казалось бы, этого было довольно. Но какая же штука не ищетъ, чтобъ ей было поглубже, какой же человѣкъ не хочетъ, чтобы ему пошло попокойнѣе и получше? Какъ ни хорошо стало жить противъ прежняго раскольникамъ, но не могли же имъ очень нравиться безцеремонныя наѣзды полиціи и чиновничества, у которыхъ надобно было заискивать (объ деньгахъ раскольники ужъ не хлопотали). Какъ ни обезпечено было фактически положеніе общества раскольниковъ, но вѣдь это общество не было признано ни церковнымъ, ни гражданскимъ правительствомъ. Раскольникъ все-таки оставался раскольникомъ, — если можно такъ выразиться, пасынкомъ православнаго общества, православной Церкви. Надо было расколу, чтобы не онъ только признавалъ себя законно существующимъ обществомъ, а признавало бы его такимъ и правительство. Вотъ, между прочимъ, задача, которую преслѣдовалъ расколъ въ теченіи всей своей исторіи. Въ первое время онъ старался разрѣшить эту задачу ничѣмъ непобѣдимымъ своимъ упорствомъ, но Денисовы и потомъ Ковылинъ поставили ее иначе. Разсчитавши, что Церковь ни какими способами не можетъ признать юридическаго существованія раскола, — иначе она не была бы Церковію, — раскольники сосредоточили всю свою дѣятельность на томъ, чтобы склонить на свою сторону гражданское правительство, которому, думали они, нѣтъ никакого дѣла до религіозныхъ распрей. Повели они это дѣло такимъ образомъ: нисколько не скрывая ненависти своей къ Церкви, вожди старообрядства всѣмъ, такъ сказать, еуществомъ своимъ обратились въ лѣсть

по отношенію къ гражданскому правительству: высоко они доходили съ своими подарками,—стада оленей представлялись Денисовыми ко двору,—громко заявляли о своемъ матеріальномъ благоденствіи, трезвой жизни и проч. При всякомъ удобномъ случаѣ старались выставить на показъ вѣрноподданническую свою преданность царю и престолу; чуть тяжкая година наступала для Россіи, денежные пожертвованія, благотворительность и т. п. сейчасъ же готовы,—подъ предлогомъ благотвореній устроено и Преображенское кладбище съ Рогожскимъ. Особенно Ковылинъ настойчиво шелъ къ своей цѣли: въ его рукахъ были всѣ московскія власти, дозволявшія ему и пошутить съ ними (какъ было на описанномъ въ «исторіи Преображенскаго кладбища» пирѣ), онъ задавалъ пиры и обѣды для войскъ; онъ уже рассчитывалъ наименовать кладбище «Александрійскимъ», поставивъ его такимъ образомъ подъ покровительство самого государя... Но при этой-то близости достиженія цѣли со всею яркостію и выказывалась невозможность достиженія ея: какъ же признать законное существованіе религіознаго общества, въ которомъ нѣтъ правильнаго церковнаго устройства, какъ же признать его правительству, которое въ православной Россіи приняло на себя долгъ покровителя и защитника православія? Это очень хорошо знали раскольники и задумали устранить, на сколько было возможно, не измѣняя расколу, затрудненія: у нихъ уже былъ цѣльный составъ іерархіи, они не адресами только заявляли преданность свою государю въ неоконченную еще польскую кампанію; они—чего прежде никогда не было—на составленномъ въ прошломъ году московскомъ соборѣ рѣшились торжественно заявить о прекращеніи не дозволенныхъ правительствомъ связей съ заграничными раскольниками; они, наконецъ, поставили (въ извѣстномъ окружномъ посланіи) на видъ, что они вовсе не такъ фанатичны къ православной Церкви, какъ обыкновенно думаютъ.. Внутренній же смыслъ всѣхъ этихъ протестацій былъ такой: вѣдь у насъ нѣтъ ничего противнаго Церкви, отъ чего не быть

снисходительными къ слабымъ совѣстію простымъ вѣрующимъ, желающимъ удержать старый обрядъ,—отъ чего, слѣдовательно, не признать старообрядской церкви съ ея іерархическимъ устройствомъ, какъ *фактъ уже существующій*, отъ чего не признать этой церкви независимую церковію?— Думать иначе значить протосердечно допускать, что раскольники сближеніемъ съ православіемъ вдругъ ни съ того ни сего задумали уничтожить свое двухъ-вѣковое дѣло— большее и большее отдѣленіе отъ Церкви... Исторія не любить подобныхъ скачковъ. Правда, заявленіе мнимыхъ симпатій къ православію сдѣлано было собственно поповцами; но, Богъ знаетъ, въ какія отношенія стали бы тогда и безпоповцы къ поповцамъ. И что дѣйствительно эти симпатіи были только предлогомъ, вотъ самое наглядное доказательство: какъ только опубликовано было окружное посланіе московскаго лже-собора, провинціальныя раскольники цѣлою массою поднялись противъ него. И замѣчательно, что московскій соборъ не протестовалъ противъ этого... Полезно обратить здѣсь вниманіе еще на одинъ фактъ, который въ значительной степени подкрѣпитъ наше недовѣріе къ помянутымъ симпатіямъ. Мы разумемъ распространившіеся между раскольниками года четыре назадъ, усилившіеся въ послѣднее время еще больше и имѣющіе подъ собою много правды, слухи объ обнаруженіи новаго свода постановленій о раскольникахъ. По этимъ слухамъ предполагается, говорятъ, предоставить раскольникамъ гораздо большую свободу вѣроисповѣданія, чѣмъ какой законнымъ образомъ они пользовались до сихъ поръ; такъ устройство старообрядскихъ железень, въ видѣ частныхъ домовъ, не будетъ стѣсняться болѣе ничѣмъ, домашнія собранія тоже и т. д. Опять было бы крайне не логично полагать, что въ расколѣ начинается движеніе въ пользу православія именно въ то время, когда юридическая жизнь его улучшается. Нѣтъ, не сближеніе съ православіемъ должно быть теперь въ расколѣ, а еще разгулъ прозедитизма и религіозной свободы. Сошлемся въ этомъ снова на исторію. Раскольники обрадуются расшире-

нію релігійно́й свобо́ды и должны же чѣмъ-нибудь заявить свою радость... Въ ослабленіи же строгихъ правительственныхъ мѣръ раскольники найдутъ себѣ новое доказательство правоты старообрядства въ глазахъ простыхъ людей. Не нужно забывать при этомъ, что у насъ пропасть тайныхъ раскольниковъ, которымъ не надо будетъ больше таиться. Но вотъ что дальше, послѣ разгула свободы и прозелитизма, будетъ съ расколомъ, — это другое дѣло. Упоминали мы уже выше, что всякій расколъ, по основному своему характеру, какъ не имѣющій и не могущій имѣть правильного церковно-іерархическаго устройства, неизбѣжно дробится на безчисленное множество сектъ и толковъ. Объединеніе его почти и держится неблагоприятной вѣшной обстановкой. Причина уничтожится или ослабится, и расколъ самъ себя будетъ ослаблять раздѣленіями и взаимными распрями. Это должно быть, а обращеніе цѣлыми приходами прежнихъ православныхъ крестьянъ въ расколъ уже есть. Лучше же на это время быть, кому слѣдуетъ, на сторожѣ, а не усаждаваться, хоть и пріятнымъ, но заблужденіемъ о симпатіяхъ раскола къ православію...

Еще одно замѣчаніе. Раньше мы сказали, что мысль о симпатіяхъ *заправителей* сектантства къ отверженной ими Церкви сама по себѣ несостоятельна, что на дѣлѣ возможны единичныя обращенія въ ней заблуждающихся. Стало-быть, скажутъ, нечего и хлопотать о миссіонерствѣ. Не только нужно, но и стоитъ хлопотать о миссіонерствѣ, отвѣтимъ мы. Объ одномъ обращающемся грѣшникѣ ангелы радуются. Но этихъ единицъ можетъ быть съ теченіемъ времени много и много, можетъ быть больше, чѣмъ сколько осталось ихъ въ заблужденіи. Этими обращеніями можно вѣрить, какъ искреннимъ обращеніямъ, не такъ, какъ мнимымъ симпатіямъ къ православію раскольническихъ архіереевъ, личный интересъ которыхъ заключается въ поддержаніи, а не ослабленіи сектантства.

А. Вескинскій.